

А. Риль

Фридрих Нитцше
Как художник и мыслитель

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А. Риль**
Фридрих Нитцше: Как художник и мыслитель / А. Риль – М.: Книга по Тре-
бованию, 2015. – 154 с.

ISBN 978-5-458-15384-3

Библиотека философов II. Перевод с немецкого З. Венгеровой.

В самом конце 1871 года появилась маленькая книжка, заглавие которой звучало загадкой и обращало на себя внимание: "Происхождение трагедии из духа музыки" (Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik). Автор ее, молодой профессор классической филологии в Базеле, был неизвестен вне ограниченного круга друзей.

ISBN 978-5-458-15384-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2015

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2015

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

АФОРИЗМЪ НИЦШЕ ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Для наилучшаго изображенія значительнаго предмета слѣдуетъ заимствовать краски у него самого, такъ чтобы самыя предѣлы и переходы красокъ создавали рисунокъ.

(Menschliches. AlIzumenschliches. I. Aphor. 205).

I.

ПРОИЗВЕДЕНІЯ НИТЦШЕ

И

ЕГО ЛИЧНОСТЬ.

Въ самомъ концѣ 1871 года появилась маленькая книжка, заглавіе которой звучало загадкой и обращало на себя вниманіе: «Происхожденіе трагедіи изъ духа музыки» (*Die Geburt der Tragödie aus dem Geiste der Musik*). Авторъ ея, молодой профессоръ классической филологіи въ Базелѣ, былъ неизвѣстенъ внѣ ограниченнаго круга друзей. На первый взглядъ оживленно и убѣдительно написанная книга могла показаться чѣмъ-то весьма страннымъ, попыткой отнести музыку будущаго, какъ называли тогда произведенія Вагнера, къ далекому прошлому, ко времени процвѣтанія греческой трагедіи. Рихардъ Вагнеръ и Эхиль! Годъ спустя тотъ же авторъ началъ серію «Несвоевременныхъ Разсужденій» полемическимъ памфлетомъ противъ совершенно забытой теперь книги и до сихъ поръ незабытаго большого критика. Книга называлась «Давидъ Штраусъ, учитель и писатель», а потомъ болѣе кратко и рѣзко: «Давидъ Штраусъ и другіе филистеры».

Находчивость автора въ нападкахъ, остроуміе шутокъ, блескъ пропіи и насмѣшекъ дѣлають эту книгу однимъ изъ лучшихъ произведеній нѣмецкой

полемической литературы. Отдѣльныя фразы, мѣткія какъ эпиграммы, напоминаютъ Лессинга по своему остроумію. Юморъ ихъ увеличивается еще отъ того, что онѣ направлены противъ писателя, котораго самого сравнивали съ Лессингомъ. Рѣзкость же отдѣльныхъ мѣстъ объясняется тѣмъ, что авторъ памфлета, послѣдователь Шопенгауера, былъ оскорбленъ плоскими софизмами Штрауса въ его выходкахъ противъ пессимизма учителя.

Лишь немногіе читатели замѣтили сразу связь между обоими произведеніями. Въ «Происхожденіи Трагедіи» рѣчь идетъ о возвышенной трагической культурѣ художественнаго генія, и авторъ говоритъ о ней въ пророческомъ экзальтированномъ тонѣ. Въ памфлетѣ противъ Штрауса этой культурѣ противопоставляется, какъ полный контрастъ и какъ препятствіе къ ея достиженію, низкая культура «филистера цивилизаціи». Въ первомъ произведеніи борьба ведется противъ Сократа, на котораго авторъ нападаетъ (по недоразумѣнію, впрочемъ) какъ на основателя и типичнаго представителя всякаго антихудожественнаго направленія умовъ. Вторая книга представляетъ шутовое послѣсловіе къ первой и вышучиваетъ современнаго выразителя того будто бы сократовскаго, плоско-оптимистическаго образа мыслей.

Памфлетъ противъ Штрауса возбудилъ рѣзкіе споры за и противъ. Съ этого времени имя *Фридрига Ницше* стало часто называться.

До 1876 г. появились быстро одна за другой три дальнѣйшія части «Несвоевременныхъ Разсужденій»: Первая часть «О пользѣ и вредѣ исторіи для жизни» (*Vom Nutzen und Nachtheil der Historie für das Leben*)

должна была называться: «Мы историки; изъ патологической исторіи современной души» (*Wir Historiker; zur Krankheitsgeschichte der modernen Seele*). Двѣ другія части носили заглавія: «Шопенгауеръ какъ воспитатель» (*Schopenhauer als Erzieher*), и «Рихардъ Вагнеръ въ Байрейтѣ» (*Richard Wagner in Bayreuth*). Въ этихъ «разсужденіяхъ» молодой, пламенный умъ подходитъ къ современности полный надеждъ. Онъ беретъ изъ ея философіи, изъ ея искусства то, что соотвѣтствуетъ глубочайшимъ влеченіямъ его души, и усваиваетъ заимствованное, претворяя его. Повидимому онъ еще питаетъ полное довѣріе къ духовнымъ вождямъ, которыхъ онъ для себя избралъ. Онъ склоненъ изъ чувства благодарности преувеличивать ихъ труды, которые помогаютъ окрѣпнуть его собственнымъ силамъ. Въ своемъ стремленіи къ общенію, къ тому, чтобы пріобрѣсти единомышленниковъ, онъ жаждетъ вліянія непосредственнаго, даже бурнаго. Отсюда возбужденный тонъ его книгъ. Онъ хочетъ всецѣло пользоваться правомъ молодости, т. е. заново создавать свой собственный міръ. Въ разсужденіи «объ исторіи», самомъ цѣнномъ изъ серіи несвоевременныхъ разсужденій, онъ возстаетъ противъ излишества «исторіи» въ воспитаніи современнаго человѣка; между прочимъ и потому, что этимъ вызывается принижющее человѣка сознаніе себя только эпигономъ.

Въ этомъ излишествѣ онъ видитъ ослабленіе личности, оскудѣніе пластической силы жизни. Противъ этой «исторической болѣзни» нашего времени онъ рекомендуетъ какъ пѣлительное средство «не-историческій элементъ жизни—т. е. силу и умѣ-

ніе забывать», болѣе же всего онъ «превозноситъ сверхъисторическую силу». Такъ напр. въ искусствѣ и религіи онъ видитъ силы, придающія земному бытію характеръ вѣчнаго. Несомнѣнно, что это исканіе сверхъисторическаго, т. е. вѣчнаго въ жизни, было основой всего его тогдашняго міросозерцанія. Онъ былъ еще подъ вліяніемъ Шопенгауера и раздѣлялъ его пренебреженіе къ исторіи.

Всякая вѣра въ развитіе, въ «міровой процессъ», вызвала въ немъ смѣхъ. Заявленіе же его, «что цѣль человѣчества не въ конечныхъ результатахъ, а въ тѣхъ высшихъ экземплярахъ людей, которые человѣчество производитъ», показываетъ, какъ рано уже сложился въ его пониманіи основной принципъ его аристократическаго образа мыслей. Взглядъ его на науку и ея предѣлы является тоже очень проницательнымъ. Критикуя попытки превратить исторію въ чистую науку, въ отдѣлъ естествознанія (въ то время Бокль пользовался еще популярностью) онъ нашелъ мѣткое слово: «поскольку существуютъ законы въ исторіи, эти законы ничего не стоятъ, и самая исторія ничего не стоитъ».

Но въ одномъ этотъ воинственный отрицатель ошибался. Будучи самъ профессоромъ и ученымъ, онъ слишкомъ высоко цѣнилъ вліяніе учености на жизнь—болѣе высоко во всякомъ случаѣ, чѣмъ этого требуетъ справедливость.

Въ разсужденіяхъ о Шопенгауерѣ и Вагнерѣ—менѣе всего несвоевременныхъ при своемъ появленіи,—онъ заходитъ слишкомъ далеко въ своемъ увлеченіи, и вслѣдствіе этого характеристики обѣихъ личностей выходятъ слишкомъ субъективными. Но тѣмъ сильнѣе выдвигается благодаря этому самъ

авторъ, его тяготѣніе къ великимъ начинаніямъ, стремленіе къ высшей духовной власти, предвидѣніе своей будущности, предчувствіе опасностей этого будущаго. «Шопенгауеръ и Вагнеръ — т. е., въ одномъ словѣ, Нитцше» — такъ опредѣляетъ въ послѣдствіи самъ Нитцше личный характеръ обоихъ произведеній. О томъ, что въ нихъ заключалось своего рода «прощаніе», что они были послѣднимъ аккордомъ отзвучавшихъ настроеній, никто не могъ подозрѣвать при ихъ появленіи.

Но тѣхъ, кого горячность и натискъ этихъ первыхъ произведеній Нитцше увлекли за собой, кто мысленно присоединялся къ смѣлымъ драконоборцамъ и культурнымъ предвозвѣстникамъ, шагн которыхъ слышались въ «Происхожденіи Трагедіи» — тѣхъ ожидало скорое разочарованіе. Въ 1878 году, всего два года послѣ «Несвоевременныхъ разсужденій», вышло въ свѣтъ собраніе афоризмовъ подъ заглавіемъ «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» (*Menschliches, Allzumenschliches*). Нитцше самъ характеризовалъ свой сборникъ «книгой для свободомыслящихъ» и посвятилъ его памяти Вольтера, приурочивъ изданіе къ празднованію столѣтняго юбилея со дня смерти Вольтера. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ появились дальнѣйшія произведенія въ томъ же родѣ: второй томъ книги «Человѣчное, слишкомъ человѣчное» и «Странникъ и его тѣнь» (*Der Wanderer und sein Schatten*). Нитцше, казалось, отрекся въ нихъ отъ самого себя. Романтичная и поэтическая метафизика «Происхожденія Трагедіи» и книги о Вагнерѣ смѣнились тяготѣніемъ къ позитивизму и разсудочности. Сократъ замѣнилъ Діониса. Со столь же рѣзкой, хотя и противоположной

по направленію, односторонностью Нитцше превозносить теперь человѣка науки: онъ долженъ стать «дальнѣйшимъ развитіемъ эстетическаго начала»; художникъ же, по природѣ своей, «существо отсталое». Художники, говоритъ онъ (афор. 220 въ Ч. с. Ч.) «восторженные глашатаи религіозныхъ и философскихъ заблужденій человѣчества». вмѣстѣ съ перемѣной образа мыслей перемѣнилась и манера Нитцше. Теченіе рѣчи, неудержимое въ юношескихъ произведеніяхъ, становится какъ бы замедленнымъ препятствіями, разбитымъ на части. Бурный потокъ смѣнился маленькими, прозрачными озерами, изъ которыхъ выглядываютъ свѣтлыя мысли. Нитцше пишетъ афоризмы. Въ одномъ лишь страстный мыслитель остался вѣрнымъ себѣ: ему нравится лишь самое крайнее, во всемъ онъ стремится дойти до послѣдняго предѣла. «Лучше гибель человѣчества», говоритъ онъ, «чѣмъ регрессъ знанія!» И позже, въ «Утренней Зарѣ» (*Morgenröte*) познаніе истины признается «единственной великой цѣлью, въ жертву которой слѣдуетъ принести все: даже само человѣчество».

Въ основныхъ взглядахъ Нитцше произошелъ еще одинъ коренной переворотъ. Его можно было предвидѣть при большой проницательности уже въ «Утренней Зарѣ», а въ «Радостной Наукѣ» (*Fröhliche Wissenschaft*, 1882) онъ обозначается уже гораздо яснѣе. Главнымъ произведеніемъ новой эпохи въ творчествѣ Нитцше является его самый изумительный трудъ, символическая книга: «Такъ сказалъ Заратустра» (*Also sprach Zarathustra*), написанная въ 1883—1885 гг. Къ этому главному произведенію присоединяется нѣсколько второстепенныхъ, въ ко-